

Исследование отдельных макроэкономических элементов динамической взаимосвязи инклюзивной модели экономического роста и инновационной политики

Матризаев Бахадыр Джуманиязович 

кандидат экономических наук, доцент

ФГБОУ ВО Финансового университета при Правительстве РФ, г. Москва, Россия

E-mail: matrizaev@mail.ru

Аннотация. В данной статье исследуется тезис о том, что макроэкономические модели в странах, достигших высоких темпов устойчивого роста, характеризуются динамичными и технологически сложными инновациями и действием эффекта «созидательного разрушения», высокотехнологичными экспортными отраслями, а также высоким уровнем конкуренции. Другими словами, динамизм, как движущая сила экономики, также важен для инклюзивности, а не только для роста и эффективности. Эти особенности важны для решения проблемы неравенства (неравномерного распределения) доходов на рынке, то есть первоначального распределения, в отличие от перераспределения, которое обычно находится в центре внимания макроэкономической теории инклюзивного роста.

В статье подчеркивается, что динамизм справедливых и инклюзивных рынков является ключевым фактором для достижения высокого и инклюзивного роста. Научная новизна статьи заключается в исследовании различных моделей экономического роста и выявлении отдельных макроэкономических элементов динамической взаимосвязи инклюзивной модели экономического роста и инновационной политики. В частности, модель «азиатского чуда» экономического роста содержит полезные уроки не только для поддержания высоких и устойчивых темпов роста, но и для достижения инклюзивного роста. Наблюдается, что пионеры модели «азиатского чуда» экономического роста — Гонконг, Япония, Южная Корея, Сингапур и китайская провинция Тайвань — добились устойчивого высокого роста на протяжении десятилетий и относительно быстро продвинулись от низкого или среднего уровня дохода к высокому. Между тем, они также стали свидетелями относительно менее неравномерного распределения рыночных доходов. Их опыт показывает, что вмешательство государства, ведущее к созданию технологий, инновациям и «созидательному разрушению» в сочетании с конкуренцией на сложных экспортных рынках, может оказаться необходимым. Динамизм может быть ключом к обеспечению инклюзивного роста, но в то же время рост крупных фирм, хотя и важен, потенциально может привести к увеличению рыночной власти

Ключевые слова: макроэкономическая теория, экономический рост, инновационная политика, динамика, инклюзивный рост

JEL codes: B00, B15, B41

Для цитирования: Матризаев, Б.Д. Исследование отдельных макроэкономических элементов динамической взаимосвязи инклюзивной модели экономического роста и инновационной политики / Б.Д. Матризаев. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2023 - №5. - С.53-63. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.05.2023)

Введение

Повышение благосостояния и уровня жизни населения сегодня является центральной целью макроэкономической теории. Растущее неравенство и стагнация среднего дохода, несмотря на рост ВВП во многих странах за последние десятилетия, поставили капиталистическую модель в центр обсуждения, в том числе в либеральных макроэкономических теориях. С 1980-х годов господство ничем не ограниченного рынка и ограниченное вмешательство государства утвердились в качестве основного тезиса о достижении процветания и высоких стандартов жизни для всех слоев общества, или, другими словами, инклюзивного роста.

Несмотря на то, что нарратив о важности свободного рынка для достижения процветания подкреплялся относительно высокими совокупными темпами роста и показателями занятости до финансово-экономического кризиса 2008 года, прирост был незначительным, поскольку реальные доходы в нижней половине распределения доходов стагнировали. Отличительная особенность лишь в том, что эта тенденция стала более заметной после финансового кризиса 2008 года и «великой рецессии» 2009 года. Последовавшие за этим меры по спасению банков, жесткая бюджетная экономия и растущая поляризация доходов вернули на передний план дискуссию о роли рынков и государства в достижении всеобщего процветания. Продолжающиеся по сей день непропорционально разрушительные последствия пандемии COVID-19 для бедных и наиболее уязвимых слоев населения еще больше усиливают исследования и дискуссии на эту тему на всех уровнях управления экономикой.

Данная статья пытается внести незначительный вклад в общий массив исследований макроэкономической теории экономического роста, выделяя тезис о том, что макроэкономические модели в странах, достигших высоких темпов устойчивого роста, характеризуются динамичными и сложными инновациями и «созидательным разрушением», экспортными отраслями, а также высоким уровнем конкуренции. Другими словами, динамизм, как движущая сила экономики, также важен для инклюзивности, а не только для роста и эффективности. Эти особенности важны для решения проблемы неравенства (неравномерного распределения) доходов на рынке, то есть первоначального распределения, в отличие от перераспределения, которое обычно находится в центре внимания макроэкономической теории инклюзивного роста.

В статье подчеркивается, что динамизм справедливых и инклюзивных рынков является ключевым фактором для достижения высокого устойчивого и инклюзивного роста. Мы определяем справедливые и инклюзивные рынки как те, которые предоставляют возможности для роста большому числу фирм и рабочей силы. Для обеспечения этих возможностей необходим высокий устойчивый рост, по мере увеличения темпов экономического роста растут и доходы, находящиеся в нижней части распределения доходов. Уровень бедности снижается, а средний уровень жизни повышается.

Научная новизна статьи заключается в исследовании различных моделей экономического роста и выявлении отдельных макроэкономических элементов динамической взаимосвязи инклюзивной модели экономического роста и инновационной политики. В частности, модель «азиатского чуда» экономического роста содержит полезные уроки не только для поддержания высоких и устойчивых темпов роста, но и для достижения инклюзивного роста. Наблюдается, что пионеры модели «азиатского чуда» экономического роста — Гонконг, Япония, Южная Корея, Сингапур и китайская провинция Тайвань — добились устойчивого высокого роста на протяжении десятилетий и относительно быстро продвинулись от низкого или среднего уровня дохода к высокому. Между тем, они также стали свидетелями относительно менее неравномерного распределения рыночных доходов. Их опыт показывает, что вмешательство государства, ведущее к созданию технологий, инновациям и «созидательному разрушению» в сочетании с конкуренцией на сложных экспортных рынках, может оказаться необходимым. Динамизм может быть ключом к обеспечению инклюзивного роста, но в то же время рост крупных фирм, хотя и важен, потенциально может привести к увеличению рыночной власти.

Структура данной статьи логически вытекает из предмета исследования. В первом разделе автором рассматриваются теоретико-методологические подходы, взятые за основу данного исследования и объясняющие основы динамической взаимосвязи инклюзивной модели экономического роста и инновационной политики. Далее автором представлено эмпирическое обоснование с описанием методов оценки, логическим продолжением которого является анализ результатов оценки, который включает также некоторые описательные статистические данные. В конце приводятся обсуждение результатов и заключительные выводы.

Теоретико-методологические основы определения отдельных макроэкономических

элементов динамической взаимосвязи инклюзивной модели экономического роста и инновационной политики

Сегодня, во многих современных исследованиях макроэкономической теории экономического роста [1], [2] однозначно подчеркивают, что модели экономического роста различных стран могут стать ключом к пониманию эволюции отдельных структурных макроэкономических дефектов феномена экономического роста, к числу которых относится проблема рыночного неравенства. Абсолютное большинство исследований, основанных на эмпирическом анализе динамики экономического роста быстрорастущих стран подтверждает гипотезу о том, что более высокий уровень догоняющего развития может привести к более низкому неравенству рыночных доходов - неравенству, возникающему в результате более медленных темпов догоняющего развития (при прочих равных условиях). Согласно некоторым исследованиям [3], [4], стагнация доходов местами может приводить к гораздо более губительным экономическим и социальным последствиям. Стагнация, это нежелательное состояние, которое обуславливает формирование рыночного неравенства, в противоположность экономическому динамизму. Более того, важны источники этого динамизма и/или устойчивого роста. Более высокий уровень технологической сложности экспорта приводит к низкому рыночному коэффициенту Джини, способствует продвижению в лидеры по качеству роста и переход к более совершенному производству, таким образом, может оказать смягчающее воздействие на неравенство. Например, в своих исследованиях К. Барриос и Е. Флорес [5] отмечают, что большая доля промышленности (в процентах от ВВП) негативно связана с неравенством и является одним из надежных коррелятов неравенства.

Между тем, по нашему мнению, существует взаимосвязь между высоким уровнем технологической сложности экспорта и «созидательным разрушением» (процессом трансформации, который сопровождает радикальные инновации). Это ключ к повышению производительности и экономическому росту. Действительно, фирмы, внедряющие инновации, вытесняют действующие, что приводит к чистому выигрышу для экономики с точки зрения производительности и занятости [6]. Кроме того, переход к более технологически сложным производствам приводит к аналогичному результату. Однако воздействие на неравенство и бедность будет зависеть от скорости переходного периода и существующих систем социальной защиты. В среднесрочной перспективе внедрение более высокого уровня технологической сложности производства не только повышает доходы нижних уровней распределения доходов, но и сдерживает растущее неравенство доходов на рынке.

Эта взаимосвязь может быть экстраполирована при исследовании контекста технологической сложности в развивающихся экономиках (или слаборазвитых регионах). По мере внедрения более передовых технологий фирмы-новаторы начинают процветать, а фирмы-аутсайдеры прекращают свое существование. Если это происходит на уровне целого сектора, это приводит к макроструктурным преобразованиям, как это имело место во время промышленных революций. Общим итогом такого инновационного развития становится исчезновение целых секторов экономики, заменяемых вновь появляющимися относительно быстрыми темпами. Исследование структуры экспорта стран, в которых наблюдался высокий устойчивый рост, подтверждает такую закономерность [7]. Например, Южная Корея за три десятилетия перешла от экспорта риса к экспорту продукции легкой промышленности, автомобилестроения и электротехники. Китайская провинция Тайвань перешла от экспорта весьма узкого перечня сельскохозяйственной продукции к производству швейных машин и электротехники. Однако остаются важные вопросы относительно роли новых фирм по сравнению с действующими. Во-первых, в то время как теория Шумпетера была сосредоточена на феномене разрушения действующих фирм, опыт стран-пионеров модели «азиатского чуда» экономического роста — Гонконга, Японии, Южной Кореи, Сингапура и китайской провинции Тайвань — показывает нам, что действующие фирмы сами могут быть вектором трансформации в сторону более совершенных продуктов и отраслей [8], [9], [10]. Большинство корейских «чеболей» и японских фирм «дзайбацу», и других аналогичных конгломератов, существовали десятилетиями до своего «экономического чуда».

Это были семейные компании, в основном ориентированные на низкотехнологичные неторгуемые отрасли, такие как торговля продуктами быстрого питания (Samsung) или строительство (Hyundai). Однако им удалось относительно быстро перейти в гораздо более технологически сложные отрасли промышленности, такие как автомобилестроение, судостроение, химическая промышленность и электротехника. Напротив, в китайской провинции Тайвань такие гиганты-производители электротехники, как UMC и TSMC, родились или, скорее, были созданы государством в 1970-х годах.

Именно вследствие отсутствия четких и понятных правил и условий, динамизм, как феномен быстрого и массового «созидательного разрушения» деятельности в направлении технологически более сложных продуктов и секторов, изменения промышленной структуры экономики, вероятно, стал главным макроэкономическим элементом высоких устойчивых темпов экономического роста. Этот процесс управляется инновационными фирмами, стоящими за Шумпетеровским «созидательным разрушением» [11]. Это также иллюстрируется важностью постоянного освоения новых видов деятельности, чтобы воспользоваться преимуществами «крутой кривой обучения» для поддержания совокупного роста в условиях обучения на практике при снижении предельного прироста производительности [12].

Эмпирический анализ результатов оценки динамической взаимосвязи инклюзивной модели экономического роста и инновационной политики

Модель роста, которая, вероятно, способна обеспечить наиболее инклюзивный рост, будет демонстрировать динамизм и стремление к большей технологической сложности. Далее, мы на основе эмпирического сравнения рассмотрим, как модели роста, лишенные такого рода динамизма, как правило, экономики, зависящие от природных ресурсов или низкоквалифицированной промышленности, не могут обеспечить высокий устойчивый рост на широкой основе и могут усилить неравенство. И напротив, модель роста, основанная на технологически сложном производстве и инновационном динамизме, позитивно влияет на устойчивость инклюзивного роста. Затем мы попытаемся определить действенный механизм экономической политики, опираясь на контраст между динамическими и нединамическими моделями роста.

Если мы внимательно рассмотрим ряд эмпирических исследований авторитетных авторов [13], [14], [15], то отчетливо увидим, что модели альтернативные динамическим моделям роста могут обеспечивать внезапные всплески роста в течение краткосрочного периода времени, но могут быть неустойчивыми в течение долгосрочного периода времени. Модель роста, основанная на расширении экспорта таких сырьевых промышленных (нефть, металл и т.д.) или сельскохозяйственных (соя, пшеница и т.д.) товаров может при определенных условиях обеспечить устойчивый рост. Но такой тип роста возможен только при наличии большого запаса природных ресурсов и благоприятной относительной цены на эти сырьевые товары. Фактически, во многих странах-экспортерах природных ресурсов с высоким уровнем дохода рост производительности был застойным или отрицательным, что со временем приводило к снижению относительного дохода [16], [17].

Кроме того, модель роста, основанная на экспорте сырьевых товаров, может и не привести к снижению неравенства в доходах на рынке. Более высокие условия торговли могут создать временные периоды роста и усилить экономическую активность в секторах производства неторгуемых товаров, сдерживая рыночное неравенство. Рента за природные ресурсы также может привести к значительному увеличению государственного сектора. Однако эти периоды роста недолговечны. Кроме того, в отсутствие рестрикционной фискальной политики налогообложения добычи природных ресурсов и их перераспределения весьма вероятно увеличение неравенства располагаемых доходов. Как правило, эксплуатация природных ресурсов или сырьевых товаров сосредоточена в руках нескольких корпораций или, возможно, группы крупных землевладельцев, имеющих незначительные обратные связи с остальной экономикой, обуславливающее, что генерируемые крупные доходы будут сосредоточены у небольшой части рабочей силы. Кроме того, страны-производители сельскохозяйственного сырья с низким доходом, значительная часть

населения которых занимается натуральным хозяйством, могут иметь низкие коэффициенты Джини и рыночного неравенства, но это вводит в заблуждение - при низком среднем доходе в уровнях с наименьшим доходом или высоком уровне бедности инклюзивный рост далек от достижения.

Глобальный экономический кризис вследствие пандемии коронавируса 2020 года еще раз подтвердил уязвимость, возникающую для многих развивающихся стран, которые имеют недиверсифицированные промышленные и экспортные структуры экономики, и сильную зависимость от экспорта сырьевых товаров и туризма. По мере того как мировая торговля сокращалась, а экономика впадала в рецессию из-за карантина, ограничений на поездки и социального дистанцирования, цены на сырьевые товары рухнули, а доходы от туризма иссякли. Возникшие в результате экономические последствия непропорционально сильно затронули часть рабочей силы с самым низким доходом, которые работали в сфере услуг, таких как рестораны, отели, транспорт и розничная торговля, и которые в значительной степени не могли быть переведены на работу из дома. Меньше пострадали только технологические сложные услуги и высококвалифицированная работа. Даже обрабатывающие отрасли работали с повышенным риском для своих малообеспеченных «основных» работников. Внешний шок от пандемии с ее негативным воздействием на инклюзивный рост высветил важность диверсификации структуры промышленности.

Напротив, модель роста, основанная на технологически сложном производстве, а не на добыче сырьевых товаров или низкоквалифицированных услугах, позитивно влияет на устойчивость инклюзивного роста. Это обеспечивает не только преимущества роста в течение долгосрочного периода времени, но и возможности для рабочей силы и фирм с помощью социального и инновационного «лифта» повышать свои производственные компетенции. Широкомасштабные структурные преобразования в странах Юго-Восточной Азии [18], [19], повлекшие за собой их вхождение когорту стран с технологически более сложными отраслями, особенно в обрабатывающей промышленности, привели к расширению высокооплачиваемых рабочих мест в этих странах. Поддержание высокого уровня конкуренции на внешнем и внутреннем рынках стимулировало фирмы к всплеску инвестиций в НИОКР и внедрению инноваций, не допуская при этом достижения рыночной властью уровней, которые могли бы спровоцировать быстрый рост неравенства в доходах.

Акцент на переходе к технологически более сложным отраслям промышленности подразумевает, что происходит эффект «созидательного разрушения». Трансформация структуры экспорта стран с наилучшими показателями с точки зрения устойчивого роста хорошо иллюстрирует этот момент. Страны Юго-Восточной Азии, например, еще в начале 1990-х годов экспортировали сырьевые товары и товары производства низкоквалифицированного труда, такие как текстиль и обувь, но постепенно продвигались в технологически более сложные секторы. Впоследствии экспорт товаров с низкой добавленной стоимостью относительно быстро прекратился, в то время как экспорт автомобилей и электротехники резко вырос. Тем временем реальная заработная плата неуклонно росла в этих странах, отражая эффективность механизма социальных и инновационных «лифтов». В более поздних историях успеха экономического роста, таких как Китай, происходил аналогичный процесс с быстрой трансформацией экспорта - от сырой нефти до текстиля и электроники - параллельно с ростом реальной заработной платы. Напротив, большинство стран с низким и средним уровнем дохода, находящихся в состоянии «ползучего роста», десятилетиями имели стабильную структуру экспорта и товарного производства, в основном в сырьевых отраслях [20], [21], [22], в то время как реальная заработная плата выросла незначительно. Монетизация высоких темпов устойчивого роста в рост реальной заработной платы для всей рабочей силы является ключом к сдерживанию неравенства по мере того, как страна становится богаче.

Степень технологического скачка в сложных отраслях промышленности на ранних стадиях и масштабы создания технологий отечественными фирмами будут определять, насколько высоким и устойчивым может быть экономический рост. Многие страны со средним уровнем дохода, полагающиеся на прямые иностранные инвестиции, такие как Таиланд и Малайзия, не производят

отечественные технологии, что задерживает их выход из «ловушки среднего дохода» и продвижение к статусу высокодоходных экономик [23], [24]. Напротив, другие азиатские страны в значительной степени полагались на всплеск инвестиций и внедрение инноваций на ранних стадиях, переходя в технологически сложные сектора с непрерывным действием эффекта «созидательного разрушения» и создавая отечественные технологии, которые помогли им достичь статуса высокодоходных в течение нескольких десятилетий [25], [26]. Особенности их модели роста создали возможности для роста компетенций как для рабочей силы, так и для фирм, способствуя развитию справедливых и инклюзивных рынков.

Как мы видим, производство технологически сложных продуктов и непрерывное действие эффекта «созидательного разрушения» способствуют высокому росту производительности, вторичным эффектам и взаимосвязям и, следовательно, расширению возможностей для фирм и рабочей силы, увеличению количества рабочих мест и повышению заработной платы. Устойчивый рост производительности может быть обеспечен только за счет внедрения новых технологий, разработки новых товаров/секторов и повышения качества. Новые технологии и товары также увеличивают ассортимент производимых товаров и способствуют дальнейшему росту производительности. Технологически сложные сектора, имеющие действие обратной связи и эффекта «спилловер», с большей вероятностью способствуют внедрению новых технологий и устойчивому росту производительности, чем другие сектора. В этих секторах, особенно в обрабатывающей промышленности, как правило, высокое содержание промежуточных товаров создает обратные связи в производственном процессе. Эффекты «спилловер» и обратной связи в свою очередь приводят к эффекту агломерации и созданию кластеров, что также приводит к росту производительности. И эти сектора, как правило, являются торгуемыми секторами. В своих исследованиях Дж.Фагерберг [27] показывает, что совокупные различия в уровнях общей факторной производительности (TFP) между странами в значительной степени обусловлены различиями в производительности в торгуемом секторе, особенно в торгуемых инвестиционных товарах, таких как машины и оборудование. Повышение производительности, эффекты «спилловер» и обратной связи, а также агломерация и кластеры должны поддерживать высокий устойчивый уровень занятости и хорошие высокооплачиваемые рабочие места, которые являются ключевыми элементами инклюзивного роста.

Менее развитые сектора, напротив, не могут так способствовать созданию высокооплачиваемых рабочих мест. Развитие индустрии туризма путем создания необходимой инфраструктуры, такой как отели, дороги, рестораны, достопримечательности и т.д., могут привести лишь к незначительному росту экспорта услуг, повышению производительности и инклюзивному росту. Это имеет действие эффекта «спилловер», в основном, в неторгуемом секторе. Однако вероятность того, что это может сохраниться в течение долгосрочного периода времени, менее вероятна, поскольку туристическая деятельность не способствует внедрению новых товаров и разработке новых технологий. Поскольку туристическая деятельность является трудоемкой и низкоквалифицированной и привлекает немало количество рабочей силы, она не в состоянии обеспечить высокооплачиваемыми рабочими местами и не формирует условия для действия механизма социальных и инновационных «лифтов» [11], [18]. Устойчивый рост может потребовать постоянно увеличивающийся поток туристов, что создаст нагрузку на государственные услуги и инфраструктуру и, что более важно, на окружающую среду. В конце концов, существует физическое ограничение на количество туристов, которых может принять страна. В долгосрочной перспективе экономика, вероятно, будет находиться в состоянии стагнации, что негативно скажется не только на занятых с низким доходом, но и на общем неравенстве на рынке. Глобальный шок от пандемии 2020 года продемонстрировал хрупкость этой модели, поскольку многие страны, которые полагались на туризм, существенно пострадали в плане доходов, связанных с туризмом и роста бедности.

Как уже было отмечено, технологически сложные отрасли промышленности в основном связаны с производством и услугами высокой квалификации, что, как правило, приносит выгоду экономикам,

которые входят в эти секторы и продолжают внедрять инновации. В своих исследованиях Ф. Рольф и К. Андерс [28] измеряют технологическую сложность, используя интенсивность НИОКР. Согласно данной методологии, «сложными» секторами являются компьютерная/электронная/оптическая отрасли, фармацевтика, транспортное оборудование, автотранспортные средства, услуги в области информационных технологий, электрооборудование, машины и оборудование, химическая и научные/профессиональные/технические услуги. В значительной степени фирмы из стран с развитой экономикой производят продукцию в этих секторах, что дает этим фирмам и экономикам преимущество с точки зрения инноваций, роста производительности и высокооплачиваемых рабочих мест. В развивающихся странах и странах с формирующейся рыночной экономикой, за исключением нескольких стран, таких как Китай и несколько стран Восточной Азии, доля обрабатывающей промышленности невелика, и началась преждевременная деиндустриализация [25]. Кроме того, по оценкам, приведенным в исследованиях А. Бергека и М.Хеккерта [18] доля неформальной экономики велика, в среднем около 40 процентов в странах с низким уровнем дохода, и около 30 процентов в развивающихся рынках, что еще больше сдерживает рост технологически сложных секторов, социальную мобильность и квалифицированные рабочие места.

В технологически сложных секторах предусмотрена высокая добавленная стоимость и очевидно, что они требуют высокой квалификации и сверхвысокого образования. Однако во многих отраслях производства специальные навыки приобретаются на рабочем месте и во многих случаях не требуют высшего образования. Даже после учета навыков премия за вознаграждение (зарботная плата и льготы) в обрабатывающей промышленности выше, чем в других секторах [17]. В 2010-х годах премия в зарботной плате в США составляла около 13%, что свидетельствует о снижении по сравнению с уровнем 1980-х годов с примерно 17%, поскольку аутсорсинг подорвал многие рабочие места [20]. Рабочие места на производстве, по сути, являются трансформаторами навыков, привлекая многих низкоквалифицированных начинающих работников и превращая их в специализированных высококвалифицированных работников с конкурентоспособной зарплатой. В своих исследованиях К. Энфло и П. Хьертstrand [23] указывают, что примерно на треть сокращение доли рабочих мест средней квалификации в странах ОЭСР связано со спадом в обрабатывающей промышленности. Кроме того, низкоквалифицированные работники получают в инновационных фирмах значительно больше выгод, чем в традиционных фирмах [5], и увеличение числа фирм такого типа в экономике могло бы способствовать сокращению неравенства.

Действие эффекта «созидательное разрушение» также может повысить социальную мобильность. В своих исследованиях К.Эдквист [22] утверждает, что, хотя инновации со стороны фирм увеличивают неравенство в доходах, инновации со стороны рабочей силы повышают социальную мобильность. Более высокие инновации увеличивают предпринимательскую долю дохода, а новые фирмы и сотрудники не только предоставляют больше возможностей стать будущими владельцами бизнеса, но и создают примеры для подражания. Они подтверждаются данными Европейской инновационной шкалы [24]. Нововведения положительно связаны с наибольшим неравенством доходов (1 процент), но имеет отрицательную связь или вообще не имеет ее с таким широким показателем неравенства, как коэффициент Джини. Что еще более важно, авторы считают, что эффект «созидательное разрушение», или инновации со стороны участников, делают экономический рост более инклюзивным и повышают социальную мобильность.

В целом, как мы убедились на вышеприведенном эмпирическом исследовании, модель роста, основанная на технологически сложных секторах или движение в сторону этих секторов, подразумевает непрерывное действие эффекта «созидательное разрушение» и стратегии, основанной на инновациях, которая приводят к более инклюзивному рыночному результату. Инновационная модель, в свою очередь, требует высоких затрат на НИОКР. Данные по бизнес-исследованиям и разработкам ведущих инновационных стран показывают, что расходы на НИОКР в основном формируются крупными отечественными фирмами в высокотехнологичных областях, в основном

в обрабатывающей промышленности [14]. Крупные фирмы и предприятия обрабатывающей промышленности, как правило, создают хорошие и высокооплачиваемые рабочие места. Однако большая концентрация крупных фирм в отрасли также может создавать потенциальные барьеры для выхода на рынок новых фирм и роста рыночной власти в пользу первых. Сильная конкуренция и низкие барьеры для входа в рынок важны для поддержания инноваций и устойчивого роста.

В завершение отметим, что замедление темпов действия эффекта «созидательного разрушения», наблюдаемое в последние годы в развитых странах, может иметь серьезные негативные последствия как для устойчивого, так и для инклюзивного роста. В своих исследованиях К. Эдквист [22] показывает, что достижения в области информационно-коммуникационных технологий создали широкие возможности для компаний выходить на новые рынки, становиться крупными игроками и завоевывать рыночную власть, первоначально создавая всплеск роста, но в конечном итоге приводя к замедлению роста. Это оказывает негативное влияние на рыночное неравенство и инклюзивный рост. В своих исследованиях Р. Шепард [29] показывает, что снижение динамичности бизнеса и рост рыночной власти происходят из-за снижения инновационной динамики и распространения знаний от передовых фирм к отстающим.

Выводы

Как показало наше исследование отдельных макроэкономических элементов динамической взаимосвязи инклюзивной модели экономического роста и инновационной политики, динамично развивающиеся с точки зрения инновационной политики экономики с большей вероятностью достигают высоких темпов устойчивого роста, что имеет ключевое значение для сокращения масштабов неравенства доходов. Как промышленные инновации, так и социальные и инновационные «лифты» влияют на инклюзивный рост и рыночное неравенство. Переход к технологически сложным секторам с непрерывным действием эффекта «созидательного разрушения» при одновременном ограничении рыночной власти и поддержке конкуренции требует вмешательства государства. Теоретических рекомендаций, направленных только на устранение «провалов рынка» со стороны правительства, может быть недостаточно для улучшения структуры промышленности и содействия инновациям и диверсификации. Более того, для борьбы с рыночной властью сосредоточения внимания на стандартной политике в области конкуренции в том, что касается воздействия на потребителей, также может оказаться недостаточным. Всеобъемлющая промышленная политика, или политика диверсификации, играет определяющую роль в достижении структурной модернизации промышленности, а также конкуренции за счет экспортной ориентации и инноваций. Роль крупных действующих фирм в формировании динамики экономики еще предстоит полностью изучить.

Также важную роль играет обновленная политика в области конкуренции, направленная на дальнейшее ограничение влияния на рынке и поддержание низких барьеров для входа. Эта политика должна выйти за рамки простого таргетирования низких цен и благосостояния потребителей, и включать влияние на рабочую силу, фирмы, инновации и неравенство. Чтобы поощрять внедрение инноваций и действие эффекта «созидательного разрушения», политика в области конкуренции должна быть сосредоточена на создании и распространении технологий. Случай с Bell Labs [] ярко иллюстрирует этот момент и востребованность способа взаимодействия с крупными технологиями. Политика, которая поощряет крупные фирмы создавать лаборатории промышленных исследований, позволяя всем отечественным фирмам получать доступ к производимым технологиям в обмен на относительно небольшую лицензионную плату, могла бы иметь мультипликативный эффект. Связанное с этим создание и распространение технологий могла бы форсировать динамику экономического роста и, в свою очередь, смягчить рост неравенства, свидетелями которого в последнее время стали многие страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов, Р. Диверсификация экономики регионов на основе инновационного развития / Руслан Абрамов. - М.: LAP Lambert Academic Publishing, 2017. - 228 с.
2. Актуальные проблемы Европы. Европа и Россия. Инновационное развитие и модернизация экономик. - М.: ИНИОН РАН, №1. 254 с. 2018
3. Актуальные проблемы Европы. Выпуск №1(2013). Европа и Россия. Инновационное развитие и модернизация экономик: моногр. - М.: Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, 2016. - 900 с.
4. Акулова, Е. Инновационные решения на пути к эффективному развитию экономики России / Екатерина Акулова. - М.: LAP Lambert Academic Publishing, 2014. - 680 с.
5. Barrios, C., Flores, E., Martínez, M.A. Club convergence in innovation activity across European regions. *Pap. Reg. Sci.* 98 (4), 1545–1565. 2019
6. Асанов, А. Инновационная система управления экономикой региона / Александр Асанов. - М.: LAP Lambert Academic Publishing, 2016. - 180 с.
7. Аузан, А.А. Инновационное развитие экономики России. Междисциплинарное взаимодействие. Сборник статей / А.А. Аузан. - М.: Проспект, 2016. - 646 с.
8. Матризаев Б.Д. Исследование отличительных особенностей режимов бизнес-инноваций и их влияния на результаты инновационной деятельности макрорегионов // Вопросы инновационной экономики. – 2020. – Том 10. – № 4. – С. 2021-2036. – doi: 10.18334/vines.10.4.110880.
9. Матризаев Б.Д. Исследование особенностей проциклической динамики инвестиций в научно-технологическое и инновационное развитие экономики на примере стран с «догоняющей» моделью. *Вопросы инновационной экономики.* Т. 9. № 3. С. 693-708. 2019.
10. Матризаев Б.Д. Исследование гипотетических основ стратегии технологической модернизации и повышения инновационного потенциала в странах с быстрорастущей экономикой. *Экономика: теория и практика.* № 1 (53). С. 15-21. 2019.
11. Бабурин, В. Л. Инновационные циклы в российской экономике / В.Л. Бабурин. - Москва: РГГУ, 2014. - 120 с.
12. Базилевич, А.И. Инновационный менеджмент и экономика организаций (предприятий): практикум. Гриф УМО ВУЗов России: моногр. / А.И. Базилевич. - М.: Инфра-М, Вузовский учебник, 2016. - 669 с.
13. Борисов В.Н. и др., Модернизация промышленности и развитие высокотехнологичных производств в контексте «зеленого роста». Под редакцией академика Порфирьева Б.Н. – М.: Научный консультант, 2017. – 434 с.
14. Борисов В.Н. и др., Прогнозирование инновационного машиностроения. М.: МАКС Пресс, 2015. –180с.
15. Борисов В.Н. и др. Инновационно-технологическое развитие экономики России: проблемы, факторы, стратегии, прогнозы. - М.: МАКС ПРЕСС, 2005. - 591 с.
16. Богатова, Е.В. Инновационная экономика. Монография / Е.В. Богатова. - М.: Русайнс, 2015. - 897 с.
17. Archibugi, D., Filippetti, A. Is the economic crisis impairing convergence in innovation performance across Europe? *J. Common. Mark. Stud.* 49, 1153–1182. 2011.
18. Bergek, A., Hekkert, M., Jacobsson, S., Markard, J., Sandén, B., Truffer, B., Technological innovation systems in contexts: conceptualizing contextual structures and interaction dynamics. *Environ. Innov. Soc. Transit.* 16, 51–64. 2015.
19. Charnes, A., Cooper, W.W., Rhodes, E. Measuring the efficiency of decision making units. *Eur. J. Oper. Res.* 2 (6), 429–444. 1978.
20. Club of Rome. *The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind.* Universe Books, New York. 1972.

21. Disoska, E.M., Tevdovski, D., Toshevska-Trpchevska, K., Stojkoski, V. Evidence of innovation performance in the period of economic recovery in Europe. *Innovat. Eur. J. Soc. Sci. Res.* 33 (3), 280–295. 2018.
22. Edquist, C., Zabala-Iturriagoitia, J.M., Barbero, J., Zofio, J.L. On the meaning of innovation performance: is the synthetic indicator of the Innovation Union Scoreboard flawed? *Res. Eval.* 27 (3), 196–211. 2018.
23. Enflo, K., Hjertstrand, P. Relative sources of European regional productivity convergence: a bootstrap frontier approach. *Reg. Stud.* 43, 643–659. 2009.
24. European innovation scoreboard. Available. http://ec.europa.eu/growth/industry/innovation/facts-figures/scoreboards_en. 2019.
25. Furman, J., Hayes, R. Catching up or standing still? National innovative productivity among ‘follower’ countries, 1978–1999. *Res. Pol.* 33, 1329–1354. 2004.
26. Leibenstein, H. X-efficiency: from concept to theory. *Challenge* 22 (4), 13–22. 1979.
27. Fagerberg, J. A technology gap approach to why growth rates differ. *Res. Pol.* 16, 87–94. 1987.
28. Rolf F. and Anders K.: Sten Malmquist In memoriam, *Journal of Productivity Analysis* Volume 23, Number 2 / May, 2005, p. 141-142
29. Shephard, R.W. *Cost and Production Functions*. Princeton University Press, Princeton. 1953.

Research of the individual macroeconomic elements of the dynamic relationship of the inclusive model of economic growth and innovation policy

Matrizaev Bahadyr Jumaniyazovich

Doctor of Economics, Associate Professor

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

E-mail: matrizaev@mail.ru

Annotation. This article examines the thesis that macroeconomic models in countries that have achieved high rates of sustainable growth are characterized by dynamic and complex innovations and «creative destruction», export industries, as well as a high level of competition. In other words, dynamism, as the driving force of the economy, is also important for inclusivity, not just for growth and efficiency. These features are important for solving the problem of inequality (uneven distribution) of income in the market, that is, the initial distribution, as opposed to redistribution, which is usually the focus of the macroeconomic theory of inclusive growth.

The article emphasizes that the dynamism of fair and inclusive markets is a key factor for achieving high sustainable and inclusive growth. The scientific novelty of the article consists in the study of various models of economic growth and the identification of individual macroeconomic elements of the dynamic relationship of the inclusive model of economic growth and innovation policy. In particular, the «Asian miracle» model of economic growth contains useful lessons not only for maintaining high and sustainable growth rates, but also for achieving inclusive growth. It is observed that the pioneers of the «Asian miracle» model of economic growth — Hong Kong, Japan, Korea, Singapore and Taiwan Province of China — have achieved sustained high growth for decades and have moved relatively quickly from low or middle income to high. Meanwhile, they have also witnessed a relatively less uneven distribution of market income. Their experience shows that state intervention leading to the creation of technologies, innovations and «creative destruction» in combination with competition in complex export markets may be necessary. Dynamism may be the key to inclusive growth, but at the same time, the growth of large firms, while important, could potentially lead to increased market power

Keywords: macroeconomic theory, economic growth, innovation policy, dynamics, inclusive growth